

19-140491

Софи Марсо

1991-1991-8-14 июля (N 28) - С. 14

Кинозал «Недели»

Режиссер Клод Пиното выбрал ее на главную роль в фильме «Бум» среди нескольких тысяч подростков, которые откликнулись на его объявление, помещенное в газетах. Так в 14 лет она стала сниматься в кино, к большому неудовольствию матери — продавщицы одного из больших магазинов и отца — водителя грузовика, которые были убеждены, что из этого ничего путного для их дочки не получится. Но «Бум» имел оглушительный успех, а Золушка из рабочего парижского предместья, избрав себе псевдонимом звучное имя Софи Марсо, в одночасье стала общенациональной знаменитостью. За «Бумом» последовал «Бум 2», «Форт Саган», «Веселое рождество», «Полиция», «Студентка», «Шуаны I», «Для Саши» и, наконец, ее последняя работа — роль дочери Жорж Санд в фильме Анджея Жулавского «Голубая нота», посвященном Шопену. Среди действующих лиц — Тургенев, Полина Виардо. 25-летняя Софи Марсо, похожая на героиню полотен Ренуара, сыграла, по моим подсчетам, как минимум в 13 фильмах. Многие из них будут показаны в разных программах нынешнего Московского кинофестиваля.

14

ЖАННУ Д'АРК»

— Несколько лет назад Филипп Нуаре сказал: «Софи Марсо станет великой звездой», если ее не скушают злые волки». Как видим, не скушали, хотя очень хотели превратить вас в новую Брижитт Бардо, использовать ваш талант в кино сугубо коммерческом... — Хотя я и не отношусь к категории Красных шапочек, пожалуй, была опасность оказаться проглоченной. Уцелела, хотя и легко уязвима, и у меня в жизни бывают трудные моменты, когда я испытываю глубокую скорбь и печаль. Но в трудных ситуациях меня спасает крестьянская жилка, которая позволяет трезво смотреть на жизнь и сохранять хладнокровие. Сегодня я уже не прохожу по разряду коммерческих актрис, ибо снимаюсь в фильмах совершенно разных, и на меня уже нельзя приклеить какой-либо ярлык. — Утверждают, что у вас репутация актрисы с трудным характером? — Это совершенно не так — поинтересуйтесь мнением режиссеров, которые меня приглашали. Во время съемок я веду себя в высшей степени профессионально. Правда, я всегда говорю людям все, что думаю, и поэтому у меня порой за пределами съемочной площадки — возникают конфликты. Однако иметь характер совсем не означает иметь плохой характер. — Как же складываются ваши отношения с постановщиками? — Актер предлагает, а режиссер располагает... Я обычно полагаюсь на свой инстинкт, интуицию и люблю постановщиков, которые направляют игру актера, имеют свою позицию и точку зрения, знают, чего хотят от меня. Если этого нет, то порой случаются конфликты. Иногда мне приходилось просить сценаристов углубить образ моей героини. Я снималась у разных режиссеров, и мне кажется, что они, как правило, не любят друг друга. Почти все обещали мне одно и то же: «В моем фильме ты сыграешь так, как никогда раньше!» — Вы порой не скрываете своего разочарования, когда работа над фильмом завершена... — При чтении сценария воображение рисует исполненную в совершенстве роль в выдающемся фильме. Но когда картина закончена и видишь ее на экране, то обнаруживаешь массу недостатков. Да и вообще к успеху надо относиться с чувством юмора и не забывать, что он эфемерен и — опасен. Преуспевающий актер склонен скользить по поверхности.

— Для вас важнее всего ваша роль или фильм в целом? — Актёры в большинстве своем люди эгоцентричные и, в первую очередь, думают о своей роли. Для них порой роль и картина — это два разных мира. И чаще всего им кажется, что их работа богаче и интереснее, чем фильм в целом. Так уж устроен человек. — Вам случается сомневаться в своем таланте? — Сомнения посещают меня каждые две минуты, в том числе и тогда, когда надо принимать важные решения. Мнения других я выслушиваю, но редко принимаю их во внимание. Мне кажется, что наилучший совет или ответ на вопрос можно найти в искусстве в романах Толстого или фильмах Бергмана. Они объясняют окружающий мир, помогают мне мыслить и делать правильный выбор. — На недавнем празднике кино во Франции, в котором вы участвовали вместе с министром культуры Жаком Лангом, снова речь шла о кризисе кинематографа. Вечная тема! — Когда в мире бурно развивается технология, всегда культура отходит на второй план. От этого страдает и кино. К тому же сейчас в кинематографе нет деятелей, которые могли бы создавать передовое авангардное искусство, а не то, что представляет собой день вчерашний. Кино должно находиться на острие культуры. Если этого не происходит, то оно оказывается буржуазным по своей сути, не имеет художественной ценности и перестает существовать. К сожалению, кино, которое пытается поднимать реальные проблемы, почти никого не интересует. Кроме того, французский кинематограф, как и наша современная литература, слишком большое внимание уделяет форме в ущерб содержанию. — Но кризис не может продолжаться бесконечно. Каким вам представляется кино завтрашнего дня? — Я настроена довольно пессимистично. Кризис завершится взрывом, в результате которого либо получится что-нибудь выдающееся, либо наступит конец. Думаю, что технологическая революция приведет к тому, что все будут смотреть кино у себя в квартире на огромном домашнем экране. — Чему служит, с вашей точки зрения, высокое искусство? — Оно дает нам возможность уйти — пусть на

Софи Марсо:

«ХОЧУ СЫГРАТЬ

какое-то время — от нашего рационального и материального мира, в котором столь большое значение придается успеху и деньгам. Искусство воздействует на душу, чувства и разум человека, помогает нам становиться лучше, совершеннее. — Какую политику, по мнению актрисы, должно проводить государство в отношении культуры? — Оно несет ответственность за культуру и во Франции делает очень много для ее развития. Огромные средства выделяются для развития ки-

А БЫЛ ЛИ ПРАЗДНИК?

У Софи Марсо отношение к кинофестивалям прохладное. А у нас? Как мы относимся не к кинофестивалям вообще, а конкретно к Московскому, который проходит уже семнадцатый раз? Когда-то относились с трепетом. Люди выгадывали время для отпуска так, чтобы попасть в столицу во время этого необычного для нас мероприятия. Толпились целыми днями у подъездов гостиниц, собирали выписки «Спутника кинофестиваля», просиживали в душных кинозалах с раннего утра — еще и петух не прокукарекал — до поздней ночи. Какие обмены билетами совершались! Какие страсти при этом кипели! И попасть или не попасть в «Ударник» или ЦДЛ казалось делом жизни и смерти. И нас ничуть не смущала бездарная, истинно советская организация дела. Вполне очевидная, с советской же непосредственностью рассчитанная предсказуемость итогов. Бог с ними, зато было приношение, да что приношение — самое непосредственное участие в иной жизни! Которая так отличалась от привычной. И хотя на просмотрках порой на один западный фильм приходилось два из развивающихся стран, это не смущало. Да, это был праздник для людей, чего уж тут... Что же ныне? Неясно. Туман, мгла. Явное любопытство на уровне — а состоится ли фестиваль вообще? Вроде во главе жюри Олег Янковский... Вроде бы Софи Лорен приезжает, еще что-то... Прошлый фестиваль стал праздником для представителей советских криминальных структур, которые веселились за его кулисами, порой круто расправляясь с самими кинематографистами. Этим, пожалуй, только и запомнился. Что-то идет нас нынче? А вот праздника для всех уже не будет. Это точно. И кто в этом виноват? Кино? А может, мы сами...

И. АЛЕКСАНДРОВ.

но, производства фильмов, на поддержку молодым режиссерам. Но вместе с тем око государево не должно быть всевидящим и все наблюдающим. Правительство обязано помогать культуре, но не править ею. — Только во Франции каждый год проходит более 30 кинофестивалей во главе с Каннским. Какую роль они сегодня играют? — В прошлом фестивали помогали молодым режиссерам выйти к широкой публике, заявить о себе, сказать свое слово. Сейчас положение изменилось. Это прежде всего кинорынок, в котором все поставлено в интересах коммерции. Выбор лент происходит в соответствии с буржуазными критериями. Дают ли фестивали импульс творческому поиску? Не думаю. — Какие ваши любимые, но пока еще не сыгранные роли? — Жанна д'Арк. Давно готов сценарий, но никто во Франции не хочет снимать этот фильм. Я предлагала поставить его многим продюсерам, но каждый раз получала ответ: «Сюжет не актуален, и меня он не интересует». Это люди без полета и размаха. И вот картину о Жанне д'Арк уже начали делать американцы. — Если я не ошибаюсь, фильм о ней собирается снимать и советский режиссер Глеб Панфилов... — Хорошенькая новость! Что ж, тем хуже для американцев. Можно по-разному относиться к Жанне д'Арк, но в истории Франции она сыграла исключительную роль. Мы же будем продолжать делать картины о всяких посредственностях. Замечательный роман — «Мастер и Маргарита», но и его наши продюсеры, к сожалению, не читали. — В этом году вы впервые вышли на театральные подмостки, сыграв главную роль в пьесе Жана Ануя «Эвридика», за которую были удостоены премии Мольера. Собираетесь ли вы и в дальнейшем играть в театре? — Сцена выматывает гораздо сильнее, чем съемочная площадка. В кино к отснятой сцене уже не возвращаешься, а в театре каждый вечер надо все начинать сначала... Ну а пустой театр напоминает мне кладбище, населенное призраками. В следующий раз мне хотелось бы попробовать свои силы в чеховской пьесе. — Вы как-то сказали, что являетесь гражданином Франции и всего мира и что вам до всего есть дело. Гражданская позиция не очень-то типична для современной «звезды»... — Я считаю своим долгом во всеуслышание заявлять о том, что меня возмущает и шокирует. Я не считаю себя ни левой, ни правой, не за-

нимаюсь сама политикой, но плачу налоги и имею право выражать свое мнение. Я очень люблю свою страну, но меня раздражает, что мои соотечественники избегают говорить о реальных проблемах. Сегодня утверждают, что самая серьезная проблема — иммиграция, с которой связывают все остальные — безработицу, рост преступности. Главное же, на мой взгляд, в том, что мы утрачиваем современный взгляд во всем — в управлении страной, в развитии промышленности и, наконец, в культуре. У меня такое ощущение, что я живу в стране, которая стареет и физически, и нравственно. Я не сторонница сверхпередовых стран, но мне хочется, чтобы мы не отставали от других. Мы же слишком гордимся тем, что являемся французами. — Если я правильно понял, политика не оставляет вас равнодушной? — Мы живем в столь тревожную эпоху, что не интересоваться политикой было бы просто преступно. Скажем, экологическая катастрофа, вызванная пожарами нефтяных вышек в Кувейте, должна волновать нас не менее, чем Чернобыль. — Есть ли у вас в жизни какая-то цель, которой вы последовательно добиваетесь? — Нет, я не хочу стать лучшей в мире актрисой, но стремлюсь к тому, чтобы полностью использовать мои способности. — Насколько я понимаю, вы не исключаете возможности уйти из кино — это не будет для вас большой драмой... — Я уйду из кино в том случае, если не найду в нем то, что искала. Может быть, жизнь вне кинематографа окажется более интересной. Но все-таки это будет для меня маленькой драмой — наподобие тех, что случаются в чеховских пьесах. Пока же жизнь и кино образуют для меня единое целое. Но жизнь служит искусству. — Вы поете, выпустили свою пластинку и, говорят, неплохо рисуете? — Я написала серию портретов маслом своих любимых писателей. Кажется, самый удачный из них — Кафка. Меня всегда интересуют лица и особенно выражения глаз. Разные галереи мне даже предлагают устроить выставки, однако мне не хочется спекулировать на своей актерской известности. — Будучи «кинозвездой», вы вынуждены жить в определенной изоляции от остального мира и в том числе от молодежи, от вашего поколения... — И да, и нет. Я веду довольно замкнутый образ жизни в силу своего характера, но у меня есть семья, профессия, картины, собаки. Я слежу за всем, что происходит на нашей планете, и не чувствую себя отрезанной от окружающего мира.

Беседу вел Юрий КОВАЛЕНКО, соб. корр. «Известий».

Париж.

«НЕДЕЛЯ» № 28 (1632), 1991 г.